



Н. С. Лесков о  
риторике ханжества:  
цикл «Заметки  
неизвестного»

Nikolai Leskov on  
Sanctimonious  
Rhetoric: *The Notes  
of the Unknown Series*

**Майя Александровна  
Кучерская**

Научно-исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»

**Maya A. Kucherskaya**

National Research University Higher  
School of Economics

**Александр Львович  
Лифшиц**

Научно-исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»  
Москва, Россия

**Aleksandr L. Lifshits**

National Research University Higher  
School of Economics  
Moscow, Russia

Резюме

Н. С. Лесков известен своей любовью к языковой игре, каламбурам, редко употребляемым словам и словотворчеству — все это он обычно использует как материал для конструирования образа рассказчика. В связи с этим особый интерес представляет одно из самых малоизученных его сочинений, «Заметки неизвестного» (1884) — собрание коротких анекдотов, преимущественно из жизни духовенства. В этом цикле Лесков не просто имитирует чужую речь, он обнажает ханжество рассказчика и превращает его церковную риторику в объект пародии, цель которой — указать на необходимость перехода от государственного православия к «духовному христианству» и оживления омертвевшего слова.

---

Цитирование: Кучерская М. А., Лифшиц А. Л. Н. С. Лесков о риторике ханжества: цикл «Заметки неизвестного» // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 192–209.

Citation: Kucherskaya M. A., Lifshits A. L. (2020) Nikolai Leskov on Sanctimonious Rhetoric: *The Notes of the Unknown Series*, *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 192–209.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.10

## Ключевые слова

Лесков, риторика, благочестие, пародия, живое слово

## Abstract

Nikolai Leskov is known for his love of language game, puns, rarely used words and word creation — he usually employs all these tactics for constructing a narrator's image. One of his most poorly studied works is of particular interest in this regard. *Notes of the Unknown* (1884) is a collection of short anecdotes, mainly from the life of the clergy. In this particular series, Leskov, while imitating someone else's speech, also bares the narrator's hypocrisy and turns his clerical rhetoric into an object of parody, the purpose of which is to indicate the need for the transition from state Orthodoxy to "spiritual Christianity" and for the revitalization of a dead word.

## Keywords

Leskov, piety, rhetoric, parody, living word

## 1. Введение

В знаменитой статье «Чрезмерный писатель» (1931), приуроченной к столетию Н. С. Лескова, Б. М. Эйхенбаум писал:

Его филологизм весь целиком шел на потребу художеству; его отношение к слову и к языку было насквозь артистическим. Он работает на деталях синтаксиса и лексики; он вглядывается в оттенки каждого слова; у него особый словесный слух или словесное зрение. Он не столько живописец, сколько мозаист, собирающий и складывающий слова так, что получается иллюзия живой речи, иллюзия голоса и даже иллюзия лица [Эйхенбаум 1969: 327].

Начиная с Эйхенбаума, первым заговорившего о «мастерстве языка» и «художественном филологизме» Лескова, и вплоть до новейших работ<sup>1</sup> языковая эксцентричность писателя, его стратегии создания иллюзии устной речи, стилистические и лексические особенности его прозы остаются излюбленными темами для исследователей.

Если верить воспоминаниям младшего современника писателя А. И. Фаресова, Лесков и сам вполне отчетливо сформулировал свою писательскую программу. Отвечая на упреки в излишней языковой манерности повести «Полунощники» (1891), которая и в самом деле переполнена неологизмами, изобретенными по методу, освоенному еще в «Левше»<sup>2</sup>, Лесков говорил следующее:

<sup>1</sup> Назовем только несколько работ: [Виноградов 1961; Майорова 1981; Еекман 1986: 293–306; Grimstad 2007; Леденёва 2015].

<sup>2</sup> В повести «Полунощники» мы найдем многочисленные контаминации слов («керамида», «рубкопашня», «фимиазмы»), которые соседствуют с народной этимологией («кляко» вместо «клик», «политический компот» вместо «комплот»), и т. д.

Постановка голоса у писателя заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с альтов на басы. В себе я старался развивать это умение и достиг, кажется, того, что мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки из них и скоморохи — с выкрутасами и т. д. [...] Меня упрекают за этот «манерный» язык, особенно в «Полунощниках». Да разве у нас мало манерных людей? Вся quasi-ученая литература пишет свои ученые статьи этим варварским языком. Почитайте-ка философские статьи наших публицистов и ученых. Что же удивительного, что на нем разговаривает у меня какая-то мешанка в «Полунощниках»? У ней, по крайней мере, язык веселей, смешней... Вот и ругают меня за него, потому что сами не умеют так писать. Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям, схваченным на лету в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и монастырях. Поработайте-ка над этим языком столько лет, как я. [...] Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному. Усвоить литератору обывательский язык и его живую речь труднее, чем книжный. Вот почему у нас мало художников слога, т. е. владеющих живою, а не литературной речью [Фаресов 2018: 153].

Давно уже признано, что это говорение героев «по-своему», «иллюзия живой речи» (Эйхенбаум), или сказ, и стало одним из главных художественных достижений Лескова. Постоянно экспериментируя с устной и письменной речью, Лесков создал длинную галерею выразительных речевых портретов нарраторов, принадлежащих разным сословиям, различного уровня образования и рода занятий, от «чиновника особых поручений» («Язвительный») и «кружевницы» («Воительница») до старого моряка («Бесстыдник») и старого оружейника («Левша»), от протопopa Савелия Туберозова («Соборяне») и «престарелого архиерея» в «На краю света» до мешанки Марьи Мартыновны в «Полунощниках» и станового Оноприя Перегуда в «Заячьем ремизе», других многочисленных безымянных рассказчиков, чью сословную принадлежность и кругозор также можно реконструировать («Леди Макбет Мценского уезда», «Жемчужное ожерелье», «Тупейный художник», «Совместители» и т. д.).

К этому же ряду произведений принадлежит цикл «Заметки неизвестного» (1884). На первый взгляд, в этом собрании историй и анекдотов Лесков тоже конструирует особый тип сознания рассказчика, в данном случае — как будет показано ниже — имеющего непосредственное отношение к духовной среде. Не исключено, что именно поэтому данный текст практически не привлекал внимания исследователей. Иные тексты, в которых Лесков касается жизни духовного сословия и его окружения, художественно более убедительны, а «Заметки неизвестного»,

с одной стороны, прочитываются как еще один сказ Лескова, который мало что добавляет к его любовным или негодующим описаниям духовенства, а с другой — рассказы эти все же касаются тем и предметов, непопулярных в советском, а по инерции и в постсоветском литературоведении.

Между тем в «Заметках неизвестного» Лесков не просто имитирует чужую речь. При несомненном сходстве приемов он использует ее как материал для гораздо более сложного и сильного высказывания и, как кажется, демонстрирует иную, ранее не описанную писательскую стратегию.

## 2. Кто такой «неизвестный»?

Цикл «Заметки неизвестного» печатался в «Газете А. Гатцука» с начала января до конца апреля 1884 г., пока, из-за претензий цензуры, публикация не была прекращена. Всего Лесков успел опубликовать 19 рассказов<sup>3</sup>.

В отзыве цензора утверждалось, что автор «Заметок неизвестного» «глумится над православным духовенством, как черным, так и белым, представляя его развитие, жизнь и деятельность в самом непривлекательном виде» [Зайончковский 1970: 295]<sup>4</sup>.

«Заметки неизвестного» открываются сообщением публикатора о том, что перед читателем текст рукописи, составленной «неизвестным летописцем»:

В последнюю мою побывку в Москве знакомый букинист от Сухаревой башни доставил мне на просмотр несколько старых рукописей, в числе коих находилась и та, которую я нынче представляю вниманию читателей. Она была в старинном корешке, с оклеенными синею бумагою полями и не имела ни подписи, ни заглавия, также лишена была многих страниц с начала и в конце. Но, однако, и то, что в ней уцелело, на мой взгляд представляет немалый интерес как безыскусственное изображение событий, интересовавших в свое время какой-то, по-видимому, весьма достопочтенный, оригинальный и серьезно настроенный общественный кружок. Засим я предлагаю в подлиннике заметки неизвестного летописца в том порядке и под теми же

<sup>3</sup> Уже после смерти Лескова еще три рассказа из цикла «Заметки неизвестного» опубликовал его сын, А. Н. Лесков, в 1917 и 1918 гг. в журнале «Нива», они вошли в седьмой том 11-томного собрания сочинений. Наконец, еще четыре новых рассказа, из них лишь два законченные, были напечатаны в 1997 г. в «Литературном наследстве». Таким образом, всего на сегодняшний день мы имеем 26 законченных рассказов цикла [Шестериков, Старыгина 1997: 246–247].

<sup>4</sup> Подробнее историю публикации см. в комментариях к тексту В. Я. Бухштаба [Лесков 1958: 551]. Ср. также: [Письмо]. Автор письма, написанного в апреле 1884 г., обличает редактора Гатцука в том, что, публикуя «Заметки» Лескова, он распространяет «ложь и клевету» [Письмо, л. 2] на духовенство.

самыми частными заглавиями, под какими они записаны в полууничтоженной рукописи [Лесков 1956–1958, 7: 322]<sup>5</sup>.

Представление «Заметок неизвестного» в качестве текста рукописной книги без начала и конца, раздобытой у московского букиниста, носит принципиальный характер. Указание на утрату начала и конца — не просто характерная особенность многих бывших в употреблении книг, о чем Лесков как коллекционер старинных изданий, рукописных в том числе, конечно, знал<sup>6</sup>. В «Заметках неизвестного» эта деталь описания создает эффект достоверности открытой композиции повествования. Череда историй может быть легко дополнена или прервана без ущерба для цельности текста, что цензурное запрещение как раз и подтвердило, нимало не навредив сочинению.

Кроме того, ссылка на рукопись отсылает читателя к традиции романтических произведений (в отечественной словесности — от «Повестей Белкина» А. С. Пушкина и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова до «Монастырки» Антония Погорельского или «Странника» А. Ф. Вельтмана), где случайно уцелевшие записки или письма оказываются единственным свидетельством прежде случившейся истории, а их обнаружение служит триггером захватывающих событий или хотя бы началом повествования.

«Заметки», из которых состоит сочинение, — это бытовые анекдоты, объединенные общей тематикой и фигурой рассказчика, того самого «неизвестного летописца», который, по замыслу автора, записывал представленные на суд публики рассказы и о котором не сказано ничего, но чей речевой образ тщательно вырисован Лесковым.

Тематически почти все входящие в цикл истории, как уже сказано, связаны с церковным бытом. В большинстве из них действуют представители духовенства — священники и монахи, среди которых есть и приходской священник, и послушник, и иеродьякон, и архиерей. О тесной связи летописца с духовной средой свидетельствуют и языковые — лексические и отдельные грамматические — особенности «Заметок»<sup>7</sup>.

Лесковский «летописец» постоянно использует «признаки книжности», которые в данном случае маркируют принадлежность «Заметок

<sup>5</sup> Далее при ссылках на это издание указываем в круглых скобках СС, номер тома и номер страницы. Текст приведен в соответствии с орфографией и синтаксисом этой публикации.

<sup>6</sup> См., например: [Фаресов 2018: 142]. Вероятно, речь идет о реальной имевшейся у Н. С. Лескова рукописи Ф. Ф. Исмаилова (1797–1863), писателя, мемуариста, некоторое время служившего секретарем канцелярии Святейшего Синода; см.: [Исмаилов].

<sup>7</sup> Лингвистический анализ произведения выходит за рамки данной статьи.

неизвестного» к связанному с духовной средой и славянской книжностью дискурсу. Это лексические славянизмы: «втуне», «аще», «яже», «яко», «иже», «сей», «поелику», «ничтоже», «наипаче», а также морфологические и грамматические церковнославянские формы («нози» вместо «ноги», «слыша» вместо «услышав», «дражае» вместо «дороже», «господеви» вместо «господу», аорист «поча» вместо «начал» и т. д.).

Истории, рассказанные неведомым летописцем, отличаются усложненным и намеренно архаизированным синтаксисом: в тексте регулярно встречаются инверсии, многие предложения включают несколько периодов<sup>8</sup>, что отсылает к церковно-учительным текстам, большая часть из которых продолжала существовать на церковнославянском языке.

Очевидно, что церковнославянский, язык православного богослужения, для рассказчика — привычная языковая среда, принадлежность к которой он постоянно подчеркивает. Замечательно, однако, что при избытке церковно-славянской лексики здесь практически отсутствуют латинские слова и выражения, которые выглядели бы вполне органично в речи выпускника семинарии [Кислова 2015: 315–330], исключение составляет только появившийся в одной из историй «иностранный предикант» (проповедник) и «предикация» («проповедь»). Нет здесь и семинарского жаргона [Зеленин 1905; Добродомов 2013], хотя справедливости ради отметим, что и в других своих текстах о духовенстве Лесков прибегал к нему достаточно редко.

Создаваемый Лесковым нарратор относительно свободно ориентируется в Священном Писании и богослужебных текстах, регулярно ссылается или прямо цитирует их. Приведем только несколько примеров: «Священник, видев, яко ничтоже успевае, но наипаче молва бывает [...]»<sup>9</sup> (СС, 7, 385); «[...] и будет тогда последняя вещь горше первые»<sup>10</sup> [Ibid.]; «Все слушать, а хорошего держаться»<sup>11</sup> (СС, 7, 366); «[...] да тихое

<sup>8</sup> Ср. «Отец Павел, имев двух дочерей, дабы не быть вынуждену передавать за ними зятьям места, рано преднамерил этих девиц просветить к светскому званию; и он, быв законоучителем в благородном институте, то и ту и другую из них там бесплатно воспитывал, а когда их срок учения там вышел, то он их взял в дом, купил фортепьяно и пошил к лицу им шедшие уборы, и через их образование и свою предусмотрительную ловкость и заманчивые, но неясные в загадочных словах обещания, обеих их без приданого замуж выдал — одну за столоначальника в дворянском собрании, а другую за помещика, который имел много волнистых и тучных овец и этим в губернии славился» (СС, 7, 361–362).

<sup>9</sup> Мф. 27: 24. Фрагмент читается в Великий четверг.

<sup>10</sup> Лк. 11: 26 или Мф. 12: 45. Евангелие в обоих случаях повествует о бесах, возвращающихся в человека.

<sup>11</sup> 1 Фесс. 5: 21. Текст читается также во время Елеосвящения.

житие проживем во всяком благочестии»<sup>12</sup> (СС, 7, 335); «Да не молва будет в людех»<sup>13</sup> [Ibid.]; «[...] его же любляше»<sup>14</sup> (СС, 7, 342) и т. д.

По преимуществу это тексты и фрагменты, которые бывают на слуху у всякого посетителя основных служб церковного года, из чего никак нельзя сделать вывод о сколько-нибудь глубоком знании рассказчиком Священного Писания; вероятно, и обширным духовным образованием, по мысли Лескова, «летописец» не обладает.

Вместе с тем этот рассказчик, подобно средневековому книжнику, отыскивающему новозаветный прообраз для любых происходящих событий, подбирает евангельские параллели к событиям, происходящим с персонажами его историй. Например, в рассказе «Надлежит не осуждать проступков, не зная руководивших им соображений» он ссылается на притчу о добром самаритянине<sup>15</sup>: дьякона, отправившегося играть в бильярд в Страстную пятницу и избитого игроками, он сравнивает с «впавшим в разбойники», т. е. с ограбленным разбойниками человеком, а частного пристава, который взялся отвезти дьякона в монастырь, — с «истинным самарянином» (СС, 7, 352). В рассказе «Случай воскресения купца Лазаря» главный герой, купец-фальшивомонетчик Лазарь Ильич, спасаясь от неизбежного ареста, инсценировал свою смерть, а когда опасность миновала, «воскрес» подобно евангельскому Лазарю [Шестериков, Старыгина 1997: 254–255].

Итак, церковнославянский язык и Священное Писание, ограничивающееся новозаветными текстами, читаемыми на богослужениях, — основа культурного багажа «неизвестного». Как кажется, это убедительно свидетельствует в пользу того, что рассказчик если и принадлежит к церковной среде, то едва ли к духовному сословию. Его знания церковного быта, Священного Писания несомненны и все же достаточно поверхностны, анекдотических историй, связанных с богослужением (чтением молитв вслух, молебнами, литургией), кажется, неизбежных для представителя духовенства, вершащего службу, в «Заметках неизвестного» нет. Вероятнее всего, перед нами мирянин, имеющий специальный интерес к духовной тематике. Таким мог быть, например, мелкий чиновник канцелярии Духовной консистории неизвестной епархии, о жизни которой рассказчик, насколько можно судить по первому анекдоту цикла, весьма осведомлен.

<sup>12</sup> Это фрагмент сугубой ектеньи, молитвы, отсылающей нас к посланию Тимофея (1 Тим 2: 2), но, главное, повторяющейся из службы в службу.

<sup>13</sup> Мф 26: 5. Фрагмент входит в евангельское чтение в четверг Страстной недели.

<sup>14</sup> Ин 21: 7. Фрагмент из 10-го «утреннего» воскресного Евангелия.

<sup>15</sup> Лк 10: 25–37.



### 3. Правда, ложь и острое слово

«Заметки неизвестного» открываются анекдотом «Искусный ответчик» о некоем «секретаре», который, по слухам, дает делам ход, только получив с посетителей взятку, так что за время службы он уже успел приобрести «пять домов и шесть дач». На неприятные вопросы ново-прибывшего начальника секретарь, «[...] оком не моргнув, отвечал, что все это чистая клевета, и страшную клятвою именем Божиим поклялся» (СС, 7, 323), а затем указал на жену, которая и была, по его словам, источник его доходов, но откуда она брала деньги, жена не призналась. «Так: я ее спрошу: “откуда ты, душко мое, деньги берешь?” А она только покраснеет, но ничего не скажет» (СС, 7, 323). Начальник признал, что секретарь — «искусный ответчик», и оставил его на месте.

Иными словами, секретарь выкручивается, по сути, объявив жену особой, весьма свободных жизненных правил, получающей средства от своих любовников. Ценой этой очевидной лжи, которую, однако, невозможно изобличить, он и остается на прибыльном месте.

Не похоже, что речь здесь идет о коллежском или губернском секретаре — чиновниках десятого или же двенадцатого класса, — этот чин вряд ли позволил бы им увеличить благосостояние до таких пределов. Речь, конечно же, о *должности* секретаря, а учитывая общий контекст цикла, можно предположить, что о должности секретаря Духовной консистории, который, имея двойное подчинение, епархиальному архиерею и обер-прокурору Синода, осуществлял руководство всем делопроизводством епархиального ведомства [Лесков 1989, 6, 450–480].

Имя Божие для секретаря ничего не значит, он легко клянется им, называя истину клеветой, а очевидно лживое указание на поведение жены выдавая за правду. Слово оказывается для героя удобным инструментом, помогающим решить свои задачи.

Анекдот «Искусный ответчик» выглядит прологом ко всему циклу, ведь «искусными ответчиками» в той или иной степени оказываются многие герои «Заметок неизвестного». Ловкие ответы, морализаторские объяснения, толкующие описанные события с точностью до наоборот, очевидно, и есть главная отрада «неизвестного летописца». Все его истории сводятся к разного рода языковым фокусам, словесной эквилибристике, «искусным ответам» в пикантных и сложных ситуациях.

Одним из носителей умения ответить остро оказывается сквозной персонаж цикла, отец Павел. Как сообщает рассказчик, отец Павел отличается «гордыней» и «острою юморыстыкой» — словосочетание, которое, с одной стороны, мотивирует многочисленные каламбуры и языковые шутки этого героя, с другой — маркированной фонетикой отсылает читателя к малороссийской орфоэпической традиции. И все



без исключения рассказы, в которых действует отец Павел, неизменно построены на языковой игре и двусмысленностях.

Например, в рассказе «О новом золоте» отец Павел смущает священника, получившего золотой крест, говоря, что тот сделан из «нового золота», т. е. из сплава, имитирующего золото. Но перед благочинным отец Павел утверждает, что речь шла о том, что крест сделан из золота, не бывшего в переплавке (СС, 7, 368).

Аналогичным образом в рассказе «Счастливому остроумию и непозволительная вольность прощается» отец Павел сообщает архиерею о любвеобильном регенте, который «[...] свою чистую и святую главу к женским персям склонял и устами припадал» (СС, 7, 354), т. е. ходил на любовные свидания. Увидев, что владыка гневается и не верит в его донос, он немедленно уточняет, что имел в виду материнскую грудь, а вовсе не то, о чем изволил подумать владыка.

И еще в одном рассказе — «Стойкость, до конца выдержанная, безоруживает и спасает» — отец Павел выигрывает словесную дуэль с помещиком также благодаря неожиданному развороту перепалки в новую смысловую плоскость и намеренно допущенной двусмысленности (СС, 7, 362–363).

Очевидно, для реализации замысла Лескову был необходим именно такой умело жонглирующий словом персонаж.

#### 4. Сюжетообразующая функция слова

Итак, каламбуры и словесная игра — не просто важная стилистическая особенность «Заметок». В большинстве историй цикла вокруг словесной игры и каламбуров строится сюжет. Произнесенные или написанные слова (или же, напротив, их значимое отсутствие) становятся кульминацией рассказов. Нарочитое слово присутствует в каждом из анекдотов, начиная с их заглавия. Со словом в каждом рассказе что-то случается.

Варианты разнообразны; обозначим некоторые из них.

##### Намеренная бессмыслица

Заглавия многих рассказов представляют собой синтаксические конструкции, смысл которых не вдруг становится ясен, например: «Женское стремление к пониманию причиняет напрасные беспокойства», «О вреде чтения светских книг, бываемом для многих», «Надлежит не осуждать проступков, не зная руководивших им соображений», «Счастливому остроумию и непозволительная вольность прощается» и т. д. Чтобы разобраться, о чем здесь идет речь, необходимо несколько раз перечитать эти заголовки. В ряде случаев и это не помогает. Что должен

понять читатель из такого названия рассказа: «Преусиленное стеснение в темное время противное производит»?

Очень похоже, что перед нами намеренное затемнение смысла сказанного, достигаемое усложненным и непрозрачным синтаксисом, а иногда — глубокомысленная бессмыслица. Лесков очевидным образом пародирует здесь подобную манеру выражаться.

#### Буквализация метафоры

Рассказ «Излишняя материнская нежность» построен на языковой шутке отца Павла, который играет буквальным и переносным значениями слова «осел». Отец Павел узнает от своей прихожанки, что у ее сына, молодого человека по имени Игнаша, расстроился сон. Выясняется, что произошло это после встречи Игнаши с «московской акушерницей», «бабой-галандкой», которая отчаянно заигрывала с ним на постоялом дворе. Юноша не понял, что она имела в виду, но спать стал беспокойно. Отец Павел рекомендует любящей матери накормить сына пудом свежего сена, а на ее недоуменный вопрос отвечает, что сын ее «осёл преизрядный». Здесь рассказчик смеется и над недалекостью Игнаши, и над слепотой его матери, а одновременно восхищается безжалостной шуткой отца Павла, высмеявшего и мать, и сына (СС, 7, 333).

Впрочем, любовь к буквализации метарфор отозвалась отцу Павлу довольно горько — в рассказе «Преусиленное стеснение в темное время противное производит», представляющем собой образчик грубоватого бурсацкого юмора, обыгрывается буквальное понимание приказа отца Павла «глупорожденным» причетником Порфирием. Он следовал за отцом Павлом, как и было велено, *не отступая ни на шаг*, что и привело к самым неприятным для священника последствиям — Порфирий сплевывал «ощущаемую на душе горечь» в спину отцу Павлу, на его шубу (СС, 7, 380).

#### Действенное слово

В рассказе «Как нехорошо осуждать слабости» слово заставляет очнуться упившегося вином священника. Отец Иван от множества свалившихся на него невзгод «стал искать забвения своего горя в вине» и однажды по пути из трактира домой упал. Но в ответ на то, что его вслух признали и назвали священником и носителем благодати, он предстал таковым и оказался в силах открыть глаза и дать благословение (СС, 7, 325).

#### Отказ от слова

В нескольких текстах сюжетобразующим становится молчание героя, отказ от пояснений. В «Удивительном случае всеобщего недоумения»,

например, желающий поступить в монастырь вдовый священник с несколько идиотическим стоицизмом не рассказывает о подлинной причине своей болезненной бессонницы — оказывается, ему докучали клопы, о чем читатель узнает лишь в финале анекдота.

В рассказе «О безумии одного князя» молодая вдова священника скрывает свое подлинное происхождение и, не имея средств к пропитанию, но обладая хорошим голосом, поступает в цыганский табор и поет в цыганском хоре. Вскоре, скрыв свою принадлежность к духовному сословию, она выходит замуж за богатого князя. Однако, указывает рассказчик, тот «[...] ни за что бы на ней не женился, если бы она была вдовая попадьа, а не свободная цыганка» (СС, 7, 357).

#### Обесцененное слово

Отец Павел в одном из рассказов («О слабости чувств и о напряженности оных») повествует о том, как он исповедует своих духовных детей. Одному из них, «петербургскому недоверку», очевидно, политическому ссыльному и, несомненно, атеисту, которому в подтверждение благонадежности положено раз в год исповедоваться независимо от его убеждений, отец Павел преподает бессмысленное для его положения поучение: велит ему надеяться и любить врагов (СС, 7, 340) и вполне довольствуется формальными ответами «духовного чада» и проявлением такой любви: каждый раз, уходя от ссыльного, он находит в кармане «краснуху», т. е. десятирублевую ассигнацию. Духовная дочь, которая хочет исповедоваться подробно, отца Павла раздражает, поскольку больше чем на серебряную монету он рассчитывать не может.

Учившийся за границей отец Георгий, напротив, старается наполнить смыслом давно ничего не значащие для прихожан названия грехов и просит каждого конкретизировать, в чем состоит его грех. Опыт его пытается повторить отец Андрей, но не достигает успеха, желая уточнить у прихожанки, укравшей хозяйские часы и для этого их проглотившей, какие именно часы она своровала, стенные или карманные («Чужеземные обычаи только с разумением применять можно»). Ситуация подробной исповеди оборачивается комической сценой, из чего рассказчик делает вместе с отцом Андреем заключение, что «[...] для русских никакие иностранные правила не пригодны» (СС, 7, 336).

#### Власть написанного слова

В центре других историй «Заметок неизвестного» оказывается слово написанное, которое не вырубить топором и которое может разрушить и законность завещания («Скорость потребна блох ловить, а в делах нужно осмотрение»), и легитимность брака: обвенчавшиеся в церкви герои не считаются мужем и женой, потому что их брак не зафиксирован

в метрической книге («О Петухе и его детях (Геральдический казус)», «Простое средство»).

Неверное наименование может жестоко обидеть архиерея («Особы духовного происхождения и в светском быту иначе уважаются»), который был оскорблен тем, что был слишком кратко поименован на конверте с приглашением на званый обед к губернатору.

#### Литературное слово

Светские книги оказали, по мнению «летописца», разрушительное влияние на героев истории «О вреде от чтения светских книг». Дочь умершего учителя рисования очень любила читать, особенно выделяя Диккенса («Дикенца» в передаче рассказчика), любимым ее романом была «Крошка Доррит». Девушка эта, получившая заказ от ректора семинарии вышить ему носовой платок, не хотела угадать желание своего высокопоставленного заказчика и вышить на платке *орла*, который порадовал бы его тщеславие и намекнул на повышение<sup>16</sup>. Вместо этого девушка вышивала то цаплю, то луня, то ласточку, то птицу фрегат. И хотя каждый раз она толковала вышитые изображения вполне лестно для адресата, она все же говорила не то, что он желал услышать. Тем временем племянник ректора влюбился в эту поклонницу романов Диккенса и швею, но, по желанию дяди, был вынужден жениться на дочери священника кафедрального собора, отнюдь «не мечтательнице». В результате юноша оказался несчастен. Когда «дочь рисовального учителя» внезапно умерла от чахотки, он, давно священник на «завидном месте», «горько плакал» на ее отпевании, а затем впал в меланхолию и погиб (вероятно, покончив с собой), убитый мельничным крылом — возможно, Лесков использует здесь еще один литературный мотив и намекает на бесплодность сражений с мельницами. «Так это чтение книг романических столько душ погубило, которые могли бы иметь свои законные радости, и — что дражае того — мужа достойного все родные заботы о кровном и искреннем ни во что обратило. Таков Дикенц» (СС, 7, 349), — заключает летописец свою историю, сводя ее смысл к вреду от «чтения светских книг».

#### 5. Мир наизнанку

Общая цель языковых игр, шуток, каламбуров, риторических виньеток, рассказанных историй, в сущности, сводится к демонстрации того, каким образом смысл и жизнь выхолащивается из слова.

Для этого Лесков прибегает к одному и тому же приему: его «неизвестный летописец» снабжает часть историй нравоучительными, иногда,

<sup>16</sup> Орел изображается на орлеце, особом круглом ковре, стоя на котором в православном храме служил архиерей.

как было показано, намеренно «темными» заголовками, смысл которых порой вступает в противоречие с сюжетом истории. Эти заглавия являют расхожую мудрость, пошлые сентенции, трюизмы, заготовленные давно для любого случая, но остающиеся мертвыми словами.

Некоторые анекдоты завершаются умозаключениями, которые утверждают мораль, также не совпадающую с подлинным смыслом истории. При этом *толкование* событий, звучащее в заголовке или в финале рассказа, неизменно дается будто бы с позиций христианского благочестия, а в реальности — абсолютного безразличия к стоящему за историей живому человеку.

Этот прием обнаруживает основной внутренний конфликт «Заметок неизвестного», на котором и построены все входящие в цикл рассказы: это оппозиция духа и буквы, противоречие между высказанным вслух и истинной сутью происходящего.

Излагая историю разрушенной любви молодых людей, повествователь указывает на ложную причину ее печального исхода: якобы не злая воля ректора, заставившего героя делать духовную карьеру и подтолкнувшего его к женитьбе на нелюбимой девушке, а чтение романов Чарльза Диккенса привело к трагедии. Между тем читателю очевидно, что дочь рисовального учителя почерпнула из Диккенса идеалы и нравственные принципы, вполне совпадающие с христианскими; им-то она и пыталась следовать.

В рассказе «Остановление растущего языка» монах-расстрига заболевает цингой, из-за которой его язык начинает расти и растет даже после его смерти<sup>17</sup>. В черновом варианте рассказа это истолковано братией монастыря как наказание Божие за злоязычие брата [Шестериков, Старыгина 1997: 257–258]; в беловом варианте растущий язык, по их мнению, — это кара за уход брата из монастыря и оставление ангельского чина. В византийских и русских иллюстрированных Псалтырях можно видеть изображения клеветников с волочащимися по земле огромными языками. Однако герой Лескова — не грешник. Он оставляет монастырь из смирения, осознания, что он недостойн «ангельского чина», «простой человек со всеми слабостями» (СС, 7, 375). В миру он ведет праведную жизнь — живет аскетично, бесплатно учит детей «чтению святого письма». Невыносимые условия существования сводят его в могилу. Однако естественных, физических причин его смерти, как и его праведности, рассказчик признавать не желает. Он подводит итог: «[...] и темные крестьяне получили полезный урок — сколь доверие детей своих таким доброхотам, как сей расстрига, не безопасно» (СС, 7, 377).

<sup>17</sup> Не приходится сомневаться, что Лескову был известен рассказ «О клеветнице, иже по смерти осужден язык свой ясти», входящий в известный переводной сборник новелл «Великое зеркало» [Державина 1965: 241; Хализев, Майорова 1983].

Вновь «летописец» принимает сторону формального, вовсе не человеколюбивого отношения к событиям и приходит к выводу, противоположному тому, что прямо следует из этой истории. На самом деле не грешник погиб за свои грехи, а грешный мир не признал и уничтожил праведника.

В другой истории дьякон, отправившийся играть в бильярд в Страстную пятницу, объясняет игумену, что пошел в этот день играть, так как «в простые дни всякая сволочь мирских людей в те места вхожи. А в такой день, как ныне, мирянин идти не отважится» (СС, 7, 352). Однако заключения о том, что духовному лицу ходить в бильярдную в самый скорбный для христианина день все равно дурно, не звучит. Вывод летописца совсем иной: «Так поступок его хотя непохвален, но рассудливость не почтена быть не может» (СС, 7, 352). То же сообщает и заголовок: «Надлежит не осуждать проступков, не зная руководивших им соображений».

Действительно дьякон проявил рассудительность, действительно осуждать поступки, не зная их мотивов, нельзя — с точки зрения внешнего благочестия «неизвестный летописец» прав.

Отец Павел пародирует исповедь, накрывая голову Игнаши лопухом, и вполне цинично объявляет его ослом, коль скоро тот не понял намеков соседки на постоялом дворе. Священник не стесняется признать, что явный безбожник, формально присутствующий у исповеди, устраивает его более искренней прихожанки.

Архиерей, не желая обеспечить средствами к существованию вдовую попадью, повторяет евангельские слова, которые оказываются словами иудейских первосвященников, желающих тайно схватить Христа: «Да не молва будет в людех» (СС, 7, 335).

Действия некоего священника «летописец» также описывает евангельскими словами, относящимися к Пилату, умывающему руки во время суда над Христом: «[...] видев, яко ничтоже успевае, но наипаче молва бывает [...]» (СС, 7, 385).

С позиций здравого смысла и совести система взглядов, от лица которой выступает рассказчик, представляет собой «мир наизнанку» [Шестериков, Старыгина 1997: 249]. Искреннее чувство в этом мире не ценится, подлинные праведники обречены на гибель, лучшие проповедники (как в рассказе «Об иностранном предиканте»), сторонники неформального отношения к исповеди оказываются под подозрением церковных властей. Торжествуют лицемеры, мздоимцы, корыстолюбцы и честолюбцы. Торжествует отец Павел, заботящийся только о своих доходах и внешнем почете и использующий слово для достижения своих целей.

Большинство историй «Заметок неизвестного» оборачиваются семантическими софизмами, построенными на метафоричности речи, в том числе многозначности слов, что и помогает «летописцу» истолковать явления и предметы в нужном ему смысле. Мы видим, как слова утрачивают смысл, а их книжное церковнославянское обличье становится привычной ширмой для вовсе не христианских чувств и действий.

## 6. Заключение

Основным объектом изображения Лескова в «Заметках неизвестного» становится поток благочестиво звучащих слов, риторика церковной и околоцерковной среды, а также техники, к которым прибегают поборники внешнего благочестия, в духовном сани и миряне, для утверждения противных христианству выводов и умозаключений. Представленные же в ряде рассказов картины нищей и бесправной жизни рядового духовенства становятся контрастным фоном для цитирующей Священное Писание самодовольной пошлости.

Лесков вскрывает механизмы псевдохристианской, ханжеской риторики и демонстрирует, как живые когда-то слова превратились в мертвечину и инструмент манипуляции. Именно поэтому, кстати, в тексте рассказов «летописца» нет бурсацкого жаргона или семинарской латыни — не они осуществляют прикрытые духовной пустоты рассказчика и любимых им героев.

Амбивалентность, о которой немало говорили и писали исследователи как об отличительном признаке поэтики Лескова<sup>18</sup>, в «Заметках неизвестного» оказывается присуща религиозной риторике.

«Заметки неизвестного» нужно, таким образом, прочитывать как пародийный текст, который иронизирует над сложившимся в российской церковной практике квазирелигиозным дискурсом. Цель этого пародирования и встающая за ней позитивная программа очевидны: указать на необходимость перехода от государственного православия к «духовному христианству». С середины 1870-х гг. Лесков возвращался к этой теме постоянно — и в рассказах «На краю света», «Владычный суд», «Некрещеный поп», «Человек на часах», и в цикле «Праведники». В 1875 г. он даже мечтал написать роман об истинном христианине: «Зато меня подергивает теперь написать русского еретика — умного, начитанного и свободомысленного *духовного христианина*, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в одной душе своей» (СС, 10, 412), — писал он в письме П. К. Щебальскому 29 июля (10 августа) 1875 г. Путь к «духовному христианству» виделся Лескову в оживлении евангельского слова.

<sup>18</sup> См., например: [Майорова 2017; Ранчин 2018].



Замечательно, что хронологически лесковский интерес к слову совпал с активным развитием фольклористики и диалектологии в России, а язык прозы Лескова отчасти пересекся с языковыми особенностями прозы Н. В. Гоголя и В. И. Даля, обращавшегося к сказу задолго до Лескова. Напомним, что и название знаменитого словаря Даля содержит слово «живой» («Толковый словарь живого великорусского языка»). Можно сказать, что Лесков дает своеобразную проекцию научных исследований «живого слова» в художественной прозе.

## Библиография

### Источники

#### Письмо

РГАЛИ, ф. 275 (Н. С. Лесков), оп. 4, ед. хр. 64, Письмо неустановленного лица редактору журнала «Газета А. Гатцука» А. А. Гатцуку с упоминанием о рассказах Н. С. Лескова «Заметки неизвестного».

#### Исмаилов

РГАЛИ, ф. 275 (Н. С. Лесков), оп. 1, ед. хр. 365а, «Из автобиографии Ф. Ф. Исмаилова. Жизнь в доме генерала от артиллерии П. М. Капцевича (с 29 сентября 1828 по конец 1840 г.)».

### Литература

#### Grimstad 2007

Grimstad K. A., *Styling Russia: Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov (= Slavica Bergensia, 7)*, Bergen, 2007.

#### Eekman 1986

Eekman T., Об источниках и типах стиля Н. С. Лескова, *Revue des Études Slaves Année, 58/3*, 1986, 293–306.

#### Виноградов 1961

Виноградов В. В., Достоевский и Лесков, *Idem, Проблемы авторства и теории стилей*, Москва, 1961, 487–555.

#### Державина 1965

Державина О. А., «Великое зеркало» и его судьба на русской почве, Москва, 1965.

#### Добродомов 2013

Добродомов И. Г., Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: взьефантулить, сморозить, аксиос(ы), *Slověne = Словьне. International Journal of Slavic Studies*, 2/2, 2013, 143–170.

#### Зайончковский 1970

Зайончковский П. А., *Российское самодержавие в конце XIX столетия*, Москва, 1970.

#### Зеленин 1905

Зеленин Д. К., Семинарскія слова въ русскомъ языкѣ, *Русскій филологическій вѣстникъ*, Варшава, 3–4, 1905, 109–119.

#### Кислова 2015

Кислова Е. И., Латынь и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в., *Studia Slavica*, 60/2, 2015, 315–329.

#### Леденёва 2015

Леденёва В. В., *Слово Лескова*, Москва, 2015.

## Лесков 1956–1958

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, Москва, 1956–1958.

——— 1989

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в двенадцати томах*, Москва, 1989.

## Майорова 1981

Майорова О. Е., Особенности стиля рассказов воспоминаний Н.С. Лескова, *Русская речь*, 1, 1981, 51–54.

——— 2017

Майорова О., Маркеры русскости в имперском пространстве: парадоксы рассказа Н. С. Лескова «На краю света», *Новое литературное обозрение*, 2 (144), 2017, 45–59.

## Ранчин 2018

Ранчин А. М., «Левша» Лескова и русская национальная мифология, *Россия XXI*, 3, 2018, 114–141.

## Фаресов 2018

Фаресов А. И., Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем, *Н. С. Лесков в воспоминаниях современников*. Составление и комментарии Л. И. Соболева, Москва, 2018, 32–213.

## Хализев, Майорова 1983

Хализев В. Е., Майорова О. Е., Лесковская концепция праведничества, В. Богданов, сост., *В мире Лескова*, Москва, 1983, 196–233

## Шестериков, Старыгина 1997

Заметки неизвестного. Неопубликованные новеллы. Вступ. статья и публикация С. П. Шестерикова и Н. С. Старыгиной. *Неизданный Лесков*, 1 (= Литературное наследство, 101), Москва, 1997, 246–258.

## Эйхенбаум 1969

Эйхенбаум Б. М., Чрезмерный писатель (К 100-летию со дня рождения Н. С. Лескова), *Idem, О прозе: сборник статей*, Москва, 1969, 327–345.

## References

Derzhavina O. A., “*Velikoe zertsalo*” i ego sud’ba na russkoi pochve, Moscow, 1965.

Dobrododomov I. G., Some Etymological Notes on the Russian Seminarian Slang: vz’efantulit’, smorozit’, aksios(y), *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 2/2, 2013, 143–170.

Eekman T., Ob istochnikakh i tipakh stil’ia N. S. Leskova, *Revue des Études Slaves Année*, 58/3, 1986, 293–306.

Eikhnenbaum B. M., Chrezmernyi pisatel’ (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. S. Leskova), *Idem, O proze: Sbornik statei*, Moscow, 1969, 327–345.

Faresov A. I., Protiv techenii: N. S. Leskov. Ego zhizn’, sochineniia, polemika i vospominaniia o nem, L. I. Sobolev, ed., *N. S. Leskov v vospominaniakh sovremennikov*, Moscow, 2018, 32–213.

Grimstad K. A., *Styling Russia: Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov* (= Slavica Bergensia, 7), Bergen, 2007.

Khalizev V. E., Mayorova O. E., Leskovskaia kontsepsiia pravednichestva, V. Bogdanov, ed., *V mire Leskova*, Moscow, 1983, 196–233.

Kislova E. I., Latyn’ i «slovenskii» v nachal’nom obrazovanii detei dukhovenstva XVIII veka, *Studia Slavica*, 60/2, 2015, 315–329.

Ledeneva V. V., *Slovo Leskova*, Moscow, 2015.

Mayorova O. E., Osobennosti stil’ia rasskazov vospominanii N.S. Leskova, *Russkaya Rech*, 1, 1981, 51–54.

Mayorova O., Finding Russianness in Imperial Space: Paradoxes in Leskov’s Story “At the Edge of the World”, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2 (144), 2017, 45–59.

Ranchin A. M., “The Left-Hander” by N. S. Leskov and the Russian national mythology, *Russia XXI*, 3, 2018, 114–141.

Shesterikov S. P., Starygina N. S., eds., Zаметки neizvestnogo. Neopublikovannye novelly, *Neizdанный Leskov*, 1 (= Literaturnoe nasledstvo, 101), Moscow, 1997, 246–258.

Vinogradov V. V., Dostoevskii i Leskov, *Idem, Problemy avtorstva i teorii stilei*, Moscow, 1961, 487–555.

Zaionchkovsky P. A., *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletii*, Moscow, 1970.

---

**Майя Александровна Кучерская**, кандидат филологических наук, академический руководитель образовательной программы «Литературное мастерство», профессор Школы филологических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики»  
105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.  
Россия / Russia  
mayakuch@gmail.com

**Александр Львович Лифшиц**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований Школы филологических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа Экономики»  
105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.  
Россия / Russia  
alifshits@hse.ru

Received July 16, 2019